

Абрамцево С. Т. Аксакова

Сергей Мамонтов

Фото И. Стин

I

Н е мало сотен верст отделяет первопрестольную Москву от привольного Уфимского края, где протекли детские годы Багрова внука, Сергея Тимофеевича Аксакова.

На склоне дней, при тогдашних путях сообщения, поездки в родные палестины стали почти невозможны для маститого писателя, да и Москва сороковых годов своими общественными, научными и литературными интересами притягивала как самого старика, так и сыновей его. Годы однако не уменьшили в Сергее Тимофеевиче его исконной любви к природе, русской деревне и в особенности к ужению рыбы. Любовь эта и навела его на мысль купить имение поблизости от столицы.

Еще до рождения Сергея Тимофеевича, дедушка его, известный Степан Михайлович, мечтая иметь первенца-внука, советовал своей молодой невестке молиться преподобному Сергию о даровании сына и тогда же дал обет окрестить ребенка именем угодника.

Таким образом Сергей Тимофеевич с самого рождения находился как бы под особым покровительством Радонежского чудотворца и всегда тяготел к его обители.

И вот, когда вопрос о приобретении подмосковной был решен утвердительно, старик стал прежде всего подыскивать ее по соседству с Троицкой лаврой, тем более, что окрестности этого монастыря издавна славятся своей живописностью.

Подходящим именем оказалось Абрамцево с небольшими деревнями Мутовками и Быковым, отстоящее в 12 верстах от лавры, в 3 верстах от Хотьковского де-

вичьего монастыря и расположенное на гористом берегу извилистой речки Вори.

Пишущий эти строки помнит Абрамцево таким, каким оно было куплено нынешним владельцем у вдовы Аксакова в 70-х годах прошлого столетия*. Это была типичная дореформенная усадьба помещика средней руки. Впрочем, и до сих пор общий характер Абрамцева изменился мало, а дом поддерживается в том самом виде, как его знали Гоголь, Загоскин, Тургенев, Щепкин и многие другие близкие русскому сердцу люди.

От Хотькова и полотна Ярославской ж. д. к Абрамцеву ведет через старый еловый лес прямая просека. Частый ельник выпирает на самую дорогу, и потому лес, несмотря на малую площадь, им занимаемую, кажется дремучим.

Самый абрамцевский дом становится виден с середины лесной просеки. Он стоит на крутом взгорье по ту сторону широкой лощины, образуемой течением Вори. Красная крыша ярко горит среди окружающей зелени лип и берез.

По крутому скату вы спускаетесь к мосту, и речка сразу привлекает ваше внимание своей уютностью. Другое выражение для нее трудно подобрать.

Подпруженная ниже плотиной, Воря течет медленно и кажется полноводной. Подернутая кувшинками и травами, глубокая, ключевая вода просвечивает зеленоватым цветом. Стрекозы снуют над осокой, и резвые серебряные уклеи стаями мечутся на тихой поверхности... Ольхи, лозняк, и сухие коряги с обрывистых берегов склоняются к самой реке, скрывая от глаз наблюдателя неожиданные заводы и повороты русла.

Выше, по крутому яру, громоздятся над рекой темные, косматые ели. В самые

* Имение Абрамцево куплено известным меценатом, строителем М.-Ярославской ж. д. и покровителем искусств Саввой Ивановичем Мамонтовым. В 80 гг. здесь, как и в аксаковские времена, кипела жизнь, полная художественных начинаний. Люди искусства с крупными именами находили в Абрамцеве приют и поддержку в своих работах. Мальчиком рос здесь известный художник Серов; жили и творили Антокольский, Репин, Врубель, братья Васнецовы, Суриков, Полenov. Кроме скульпторов и художников, бывали здесь писатели, певцы, музыканты.

Еще при жизни Сав. Ив-ч передал Абрамцево своей жене, которая после своей смерти завещала его своим внукам-детьми

дочери, бывшей замужем за А. Д. Самариным.

Сав. Ив-ч скромно доживал свой век в Москве, где и скончался на 78 г. своей жизни 24 марта 1918 г., оставив своей деятельностью неизгладимый след в истории русской живописи и русского театра.

Погребен Сав. Ив-ч в Абрамцеве в фамильном склепе при церкви.

Итак Абрамцево, приобретенное ветераном русской литературы - С. Т. Аксаковым, перешло в другой род, не менее славный в истории русской словесности - Самариных.

Настоящая статья написана сыном Сав. Ив. - Сергеем Саввичем, талантливым писателем и драматургом, умершим в 1915 году.

Чеховские уголки

Юрий Соболев

В БАБКИНЕ

жизни А. П. Чехова были три эпохи, которые отразились на всем его творчестве. Он сам признавал это. Это были поездки к некоему Ивану Парфентьевичу в усадьбу, в донских степях, когда еще А. П. был гимназистом; затем г. Воскресенск и усадьба Бабкино, где А. П. провел четыре лета тотчас по окончании курса университета, и, наконец, «Мелихово»... Эти слова графа Чехова, его брата Павловича, долж-

Бабкина. Мы минуем Воскресенск и направляемся непосредственно в бывшее имение Киселевых.

Наш ямщик еще застал Киселева, но Чехова, конечно, не помнит. Ведь это было в 1885 году!

Дорога идет то поднимаясь, то опускаясь меж овражками, то через лес, то через быструю и шумливую реку Истру.

Узнаем подробности о бывшем имении Киселевых. Оно принадлежит теперь г. Колесникову — владельцу большого мануфактурного дела в Москве, а раньше пос-

(Багрова) нынешней Самарской губернии и любил прихвастнуть своей бодростью и силой. Одет он был всегда в длинный черный сюртук, бороду брил и говорил большею частью в шутовском тоне, лукаво поглядывая из-под нависших бровей маленькими серыми глазками. Вот что рассказывал Максимыч о жизни Сергея Тимофеевича Аксакова в Абрамцеве.

— Барин-то уже стары были, как в это имение переехали. Охотой ружейной не под силу им уже было заниматься, так они рыбку и удили, когда на Воре, и когда и здесь на пруду на ближайшем.

— Идут это, бывало, Сергей Тимофеевич с длинным, предлинным чубуком: в чубуке сигарка дымится; на глазах у них зеленый зонтик из тафты надет, который они от слабости глаз носили, а я за ними кресло ихнее складное тащу, удочки и всякую снасть. Сядут на бережку удить, я им червячков насаживаю, рыбу с крючка снимаю, и все это молча, чтобы рыбы не пугать.

— Строго они к рыболовному делу относились, настоящий были охотник; в дождик иной раз и то под зонтиком уживали.

— На пруду здесь, бывало, Сергей Тимофеевич одних карасиков да голец потаскивали, а на речку всегда Константин Сергеевич с папашей ходили, — одного родителя никогда не отпускали, — такая уж в них сыновья привязанность была.

— Удочка одна у Сергея Тимофеевича была замечательная, из дамских волос сплетеная, и называли они ее «Леди». Когда книжку свою об ужении рыбы они написали, то много господ очень благодарны Сергею Тимофеевичу остались. А одна барыня даже из своих волос сплела и нашему барину на память прислала. Очень тогда смеялись Сергей Тимофеевич с гостями и долго потом с этой самой удочкой рыбы ловить ходили.

— Любил тоже наш старый барин грибы собирать. Удут, бывало, с утра со всеми гостями в монастырский лес, что за рекою, и до самого обеда по лесу ходят и аukaются. Сергей Тимофеевич наш даже по грибы с трубкой своей длинной и с глазным зонтиком ходил; а грибов в те времена по нашим местам страсть сколько было, не то что теперь. Целыми возами домой привозили.

— Гостил у нас как-то господин Гоголь, Николай Васильевич, и тоже по грибы с господами отправился. И нашел Николай Васильевич такой диковинный белый гриб, какого раньше никто и не видывал. Шапка на грибе аккуратная, как быть полагается, а корешок длинный да извилистый, словно змея какая. Портрет даже тогда Николай Васильевич с этого диковинного гриба красками написал и у Константина Сергеевича в кабинете на стенку повесил.

Абрамцево С. Т. Аксакова

Сергей Мамонтов

Фото И. Стин

I

е мало сотен верст отделяет первопрестольную Москву от привольного Уфимского края, где протекли детские годы Багрова внука, Сергея Тимофеевича Аксакова.

На склоне дней, при тогдашних путях сообщения, поездки в родные палестины стали почти невозможны для маститого писателя, да и Москва сороковых годов своими общественными, научными и литературными интересами притягивала как самого старика, так и сыновей его. Годы однако не уменьшили в Сергее Тимофеевиче его исконной любви к при-

у нас расклевывали и расклевывали — ударились. Михайло Семеныч, — толстый, круглый он был, — из саней выкатился и в сугробе увяз, а Николай Васильевич, легонький да худенький, за грядку удержался и ну хохотать, да так, что и мы с кучером подхватили, удержаться не могли. Михайло Семеныч в тяжелой шубе из сугроба вылезти не может, барахтается и ругается на чем свет стоит, а мы, на Николая Васильевича глядя, хохочем и остановиться не можем. Потом уж только с собой совладели и господина Щепкина из снега вызволили.

Умер Максимыч в 1885 году, и вместе с ним ушли в могилу и живые подробности о жизни Аксаковых в Абрамцево.

III

О любви С. Т. Аксакова к ужению рыбы ярко свидетельствует стихотворное его послание к А. Н. Майкову, написанное в Абрамцево в октябре 1857 года, т. е. на самом закате таланта и сил автора. В стихотворении прекрасно обрисована речка Воря.

Вот оно целиком:

вичьего монастыря и расположенное на гористом берегу извилистой речки Вори.

Пишущий эти строки помнит Абрамцево таким, каким оно было куплено нынешним владельцем у вдовы Аксакова в 70-х годах прошлого столетия*. Это была типичная дореформенная усадьба помещика средней руки. Впрочем, и до сих пор общий характер Абрамцево изменился мало, а дом поддерживается в том самом виде, как его знали Гоголь, Загоскин, Тургенев, Щепкин и многие другие близкие русскому сердцу люди.

От Хотькова и полотна Ярославской ж. д. к Абрамцево ведет через старый еловый лес прямая просека. Частый ельник выпирает на самую дорогу, и потому лес, несмо-

та, малую площадь, им замк-

далеко за моей спиной...

Но окуни у нас не диво,

Люблю ершей осенний клев;

Берут они не вдруг, не живо,

Но я без скуки ждать готов.

Трясется поплавок — терпенье...

Идут кружочки — пустяки!

Пусть погрузит: мне наслажденье

Ерша тащить со дна реки.

Весь растопыренный, сердитый,

Упорно лезет из воды

Густою слизью ерш покрытый

Поднявши иглы для защиты...

Но нет спасенья от беды!

Теперь не то. Внезапной хвори

Я жертвой стал. Что знаем мы?

Гляжу на берега я Вори

В окно, как пленник из тюрьмы.

Прошло и теплое ненастье,

Сковал мороз поверхность вод —

И грустно мне. Мое участие

Уже Москва к себе зовет.

Опять прощай уединенье!

Безплоден летний был досуг

И недоступно вдохновенье...

Как быть? Я не люблю докуч.

Прошайте ж, горы и овраги,

Воды и леса красота.

Прошайте вы, мои «коряги»,

Мои «Ершовые места»!